

ЗАОНЕЖСКИЕ БОБКИ-БАВУШКИ

В прежние годы я заслушивался рассказами известного кижского плотника-реставратора Михаила Кузьмича Мышева. Славного древодела и краснословия давно нет на белом свете. Зато сохранены мои заветные записные книжки. Сегодня я раскрыл блокнот с пометкой «Игрушечники Русского Севера».

— Старинной интересуешься? И какие игрушки-бавушки бывали?

Кузьмич отложил бледный осиновый чурбак, из которого вытесывал лемех — изогнутую резную пластину для покрытия главки храма в Кижях. Взял в руки смуглое сосновое поленце. Взмахами топора распустил на лучины. Золотистый шершавый пучок смешался со сквозистыми лучами солнца, наполнившими щелястый временный сарайчик-бытовку реставраторов близ Преображенской церкви.

— Это называлось «бавушничать»... баловство плотническое! Придет в деревню плотницкая артель.

Славутник, вож артельный, сядет в горенке с хозяином рядиться — каким предбудущему дому быть. А нас, мастеров средней руки да и ребят-вздымищков, ну, которые бревна на сруб вздымают — обступят местные ребятишки: «Дяденька, бобку!» И взрослые присматриваются: «Этта что за ватага припожаловала!» У нас не зря молвят: «Клин вытесать — и на том мастерство казать!» На пустом деле — ребятишек приласкать, им бавушку сделать — видны и норов твой, и мастерство. Ересливому-нравному с людьми не жить... Вот, первое дело, и вырежешь для ихнего удивления пильщика. Ино из лучины человек, ино из бруска. Пила, конечно, из тяжелой длинной лучины, такой, чтобы был фигурке противовес!

С этими словами славутник поставил на край скамьи грубовато вырезанного человечка. В вытянутых вперед руках заонежский Буратин держал ручки опущенной вниз продольной «пилы» с крупно нарезанными зубьями. «Пильщик» встал на острые носки резных сапожек, качнулся — и пила его мерно заходила в маятниковом движении — вперед-назад и вверх-вниз.

— Хорош парень? — просветлел старый плотник. Сквозь седину его сурового хохолка над крутым загорелым лбом, сквозь щеточку серебряных усов проглянуло неизжитое ребячество. — Будет теперь пилить, как бывалош-

ний усердный вытегор... ходили с Вытегры мужики здоровенны, полороты. Пластали брус на тес. Один пильщик встанет на козлы верхником. Другой — нижником. Так и пилят. Бобку эту вот, пильщика, я перенял делать от знаменитого в наших местах столяра Алексея Петровича Парамонова из заонежского села Фоймогуба. Он в братовьях был, когда наша артель ставила в Петрозаводске Дом крестьянина*. Узорные наличники, причелины, баласыны на крыльцах, на балконах-крулевках — всё его работы, его мастерства.

Мальчиком Алеша обучался ремеслу в мастерской краснодеревца в Питере, как и я. Вернулся он в свою Фоймогубу матерым. Тут оженился, дом себе поставил и бородушку отпустил. Одевал срубы в кружево, настилал лавки, полицы в новых избах; делал столы, посудницы, киоты, творил ребячью радость — резные бобки-бавушки.

Гляди-ко, пильщик-то все еще старается. Отрабатывает свой упряг.

Фоймогубский бавушник делал не только простые «панки» — резных дедов из четырехгранных брусков. Не только коников на колесах. Резал игрушку все больше такую, что требует технического расчета. Срабатывает, бывало, вододействующий молот. Ребятишки ручей запрудой затворают, воду на колесо наравят. Станет вода крутить колесо, вздымать молоток — аккурат как на бывалошнем заводе Бутмана-Бутенанта. Мог сделать ветряк. Такой, какой сработал старик Беканин из Волкострава. Его всамделишная мельница-столбика по сейчас на краяхе в Кижях стоит. Только Парамоновская мельница-бавушка вся как есть в горсти уместится.

Ну, шабаш, братан-пильщик, тес пластать. Закуривай.

Деревянный трудник, качнувшись последний раз, остановился словно в задумчивости. Держал в вытянутых впе-

ред руках поперечину рукояти продольной пилы. Михаил Кузьмич поднял осиновую плашку, собираясь продолжить вытесывать лемеха.

— Ты меня на старинушку-матушку повернул! — проворчал знаменитый дед. — Про былого бавушника Парамонова Алешу напомнил. Кузьмич опять стронул заскорузлым пальцем легкого соснового пильщика. Тот весело, словно наскучив отдыхом, принялся вздымать и опускать пильное полотно-маятник.

— Дай Бог памяти. У него, у Парамонова, все больше движущаяся была игрушка. Акробата помню: весь складной, лучинные руки-ноги на гвоздочках. Крутится на таком турнике — станочек как буква «Н», с перекладиной; сверху двойная бечевка натянута, он и кувиркается. А другой циркач деревянный ловко лезет вверх по двум веревочкам, укрепленным на концах коромысла и продетым в ладони паренька. Только потяни сначала за одну веревочку, потом за другую — он и строится. Такие игрушки тогда и в лавках продавали: крашенные в яркие цвета анилином — в желтые, красные, зеленые. Как лубочные картинки. Но эта крашенная игрушка — покупная, ею и на Шуньгской ярмарке торговали. А Парамонов никогда за свои бавушки денег не брал, отдавал в даровьях.

В обыденке-то в деревне — хотя бы и у нас, в Толвуге! — ребятишки бобки какие? Цветастую тарелку, блюдечко невзначай расколота — черепки отдадут ребятишкам играть. Берестяной мячик сплетем — арабские-то уж

потом стали привозить. На Святки страшные маски сделаем — берестяные да лубяные, с бородами из лубяной кудели. Бегаем, гремим берестяными гремками — это как мяч сплетенный на рукояти, а внутри — сухой горох! Пуще праздник нам, как придет в село плотницкая артель! Или вот — портной сядет шить, лоскутья метать вокруг себя! Шерстобит. Станет валенки валять, расписывать их цветами-травками. Шорник — дратву смолить, ладить срубу с колокольчиками и бубенчиками. Андомский или каргопольский гончар наедет с черепенным товаром, а промеж горшков да квашенок у него в соломе овсяной, знаем, — квашенные игрушки-бавушки. Около мастеровых людей вьемся, как комариный толкунчик:

— Дяденьки, бобку...

Виктор ПУЛЬКИН
г. Петрозаводск

* Дом крестьянина (гостиница в виде обширного бревенчатого терема) строился в конце 20-х годов XX в. бригадой заонежских плотников. Впоследствии использовался как театр, филармония, Дом народного творчества. Сгорел в 2001 г.